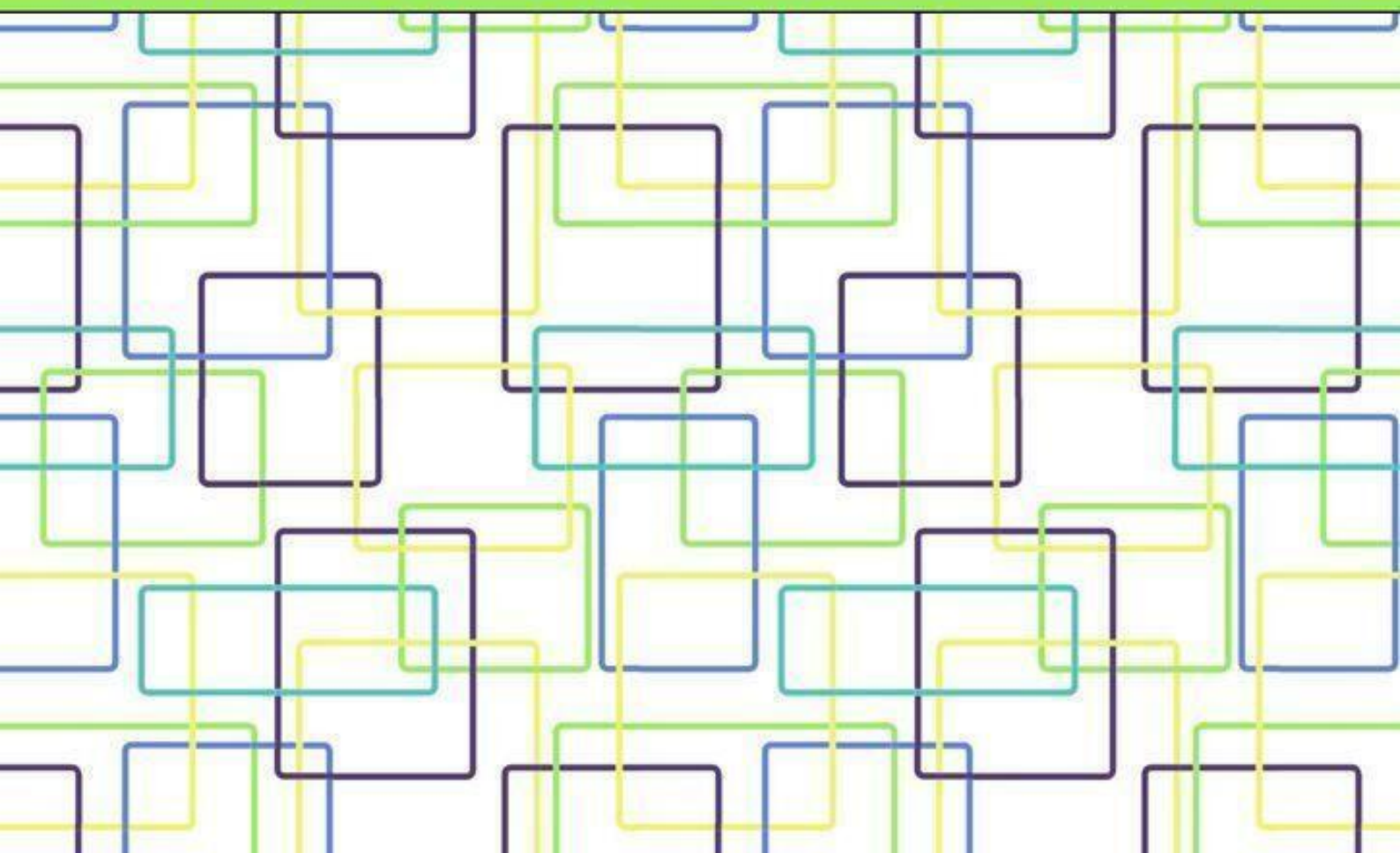

18+

Елена Ши

Истории рождения

Книга 1

Елена Ши

Истории рождения. Книга 1

«Издательские решения»

Елена Ши

Истории рождения. Книга 1 / Елена Ши — «Издательские решения»,

Каждая история в этой книге когда-то родилась во мне — как рождается ребёнок. Когда слова уже не помещались внутри, я выпускала их, как выпускают ребёнка из тела, — с болью, с криком, с облегчением и с той невероятной пустотой после, в которой поселяется новое чувство. «Истории рождения» — не про то, как рождаются дети. Это про то, как рождаются стихи, чувства, решения, новая версия себя. И это — только начало. Продолжение следует.

Содержание

ИСТОРИИ РОЖДЕНИЯ	6
Пролог	7
История 1. Включу в прихожей свет или история одной фотографии	9
История 2. Лёха Николаев	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Истории рождения Книга 1

Елена Ши

© Елена Ши, 2026

ISBN 978-5-0070-8175-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСТОРИИ РОЖДЕНИЯ

Рождение — оно бесконечно.

Как и стихи.

Как и мы сами.

Е. ШИ

Пролог

Я долго думала, как назвать эту книгу. Перебирала варианты, примеряла их, как платья, которые не садятся по фигуре. «Записки акушерки» — слишком профессионально. «Девять месяцев» — слишком банально. «Материнство» — слишком общно. А потом я поняла: книга не про то, как рождаются дети. Она про то, как рождаются истории.

Каждая история в этой книге — чьё-то рождение. Не только ребёнка, который появляется на свет, но и матери, которая становится матерью. Отца, который учится быть отцом. Семьи, которая учится быть семьёй. Но прежде всего — рождение самой истории. Того момента, когда пережитое переплавляется в слова, когда боль становится текстом, радость — строчкой, тишина — паузой между абзацами.

Я пишу стихи. Это моя стихия, моя правда, моя отдушина. И когда я начала записывать эти истории — про роды, про ожидание, про первый крик, про руки, которые тянутся к тебе в темноте, — я поняла, что не могу писать их прозой. Не потому, что не умею. А потому, что проза слишком линейна, слишком последовательна, слишком объясняет. А рождение — оно не объясняется. Его можно только прочувствовать. Стихами, ритмом, дыханием, тем, как строка обрывается и начинается снова, как схватка, как вдох между потугами.

«Истории рождения» — это не медицинский трактат. Не инструкция, не пособие, не сборник советов. Это мои литературно-поэтические истории. Каждая из них когда-то родилась во мне, как рождается ребёнок: сначала едва заметным толчком — мыслью, образом, строчкой, которая пришла ночью и не давала уснуть. Потом — ростом, наполнением, тем, как история набирала вес, объём, дыхание. И наконец — выходом. Когда слова уже не помещались внутри, когда они просились наружу, и я выпускала их, как выпускают ребёнка из тела, — с болью, с криком, с облегчением и с той невероятной пустотой после, в которой поселяется новое чувство. Эти истории не про то, как правильно дышать в схватках. Они про то, как дышит душа, когда жизнь разделяется на «до» и «после». Они про тот самый момент, когда акушерка кладёт тебе на грудь мокрый, тёплый комоч, и ты смотришь на него и не понимаешь — кто ты теперь? Ты всё та же или уже другая? И тишина в палате, и только два сердца бьются, одно — часто-часто, другое — медленно, приходя в себя.

Я думала, что пишу о других. О женщинах, с которыми говорила в роддомах. О тех, кто рассказывал мне свои истории — в очереди к врачу, на курсах подготовки, в случайных разговорах в парке, когда одна мама подходит к другой и говорит: «А у тебя как было?» И начинается. История за историей, слово за слово, и вдруг ты понимаешь, что все эти истории — твои. Потому что рождение — это то, что объединяет всех. Независимо от того, как оно прошло: дома в ванне или в операционной, с мужем, держащим за руку, или в одиночестве, в чужом городе, в чужой стране, где врачи говорят на непонятном языке.

Но я обманывала себя. Я писала не о других. Я писала о себе. Каждая история — это часть меня. Каждая строчка — это мой собственный опыт, переплавленный в чужой. Потому что невозможно написать о родах, не пропустив их через себя. Даже если ты не рожала — ты женщина. Даже если ты мужчина — ты был рождён. Эта книга — про каждого из нас. Про то, как мы появляемся на свет, и про то, как мы появляемся друг у друга.

Связка между родами и рождением историй оказалась глубже, чем я думала. Я поняла это, когда перечитывала написанное. Схватки — это муки творчества. Потуги — это когда ты выдавливаешь из себя последние силы, чтобы закончить строфу. И кульминация — тот самый миг, когда слова наконец выходят наружу, и ты смотришь на них, ещё не понимая, какие они, красивые или нет, правильные или нет, но они твои. Ты родила их. И теперь они живут отдельно. Каждая глава здесь — это отдельные роды. У каждой своя длина, свой ритм, свой итог. Где-то всё быстро, стремительно, почти без боли — и строчки лёгкие, летят, как пух. Где-

то долго, тяжело, с кровью и слезами — и тогда текст становится вязким, тёмным, его надо продираться, как через лес. Но в конце всегда — жизнь. Всегда — свет. Всегда — тот самый крик, которым история заявляет о себе.

Я не знаю, кто будет читать эту книгу. Может быть, те, кто готовится стать родителями. Может быть, те, кто уже стал. Может быть, те, кто просто хочет понять, что такое рождение — не только детей, но и чего-то ещё. Потому что мы все рождаемся каждый день. В новой любви, в новом деле, в новом городе, в новой версии себя. Мы все проходим через схватки перемен и потуги решений. Мы все кричим, когда рождается что-то новое.

«Истории рождения» — это не книга ответов. Это книга вопросов, ощущений, полутонов. Это попытка поймать то, что ускользает, и записать то, что забывается. Потому что роды забываются — тело помнит, душа помнит, но детали стираются. Через год ты уже не вспомнишь, сколько длилась каждая схватка. Через пять — забудешь лицо акушерки. Но ты никогда не забудешь тот миг, когда тебе показалось, что мир остановился и начался заново.

Вот для чего эта книга. Чтобы остановить мгновение и дать ему дышать. Чтобы он не растворился в быту, в пелёнках, в бессонных ночах. Чтобы, когда ребёнок подрастёт и спросит: «Мам, а как я родился?», ты могла не просто рассказать, а дать ему эти страницы. И он бы прочитал, и, может быть, понял бы что-то такое, что словами не передать. Только ритмом. Только тишиной между строк.

История 1. Включу в прихожей свет или история одной фотографии

Как-то июльским вечером я перебирала мамины фотографии, сложенные в плетёную коробку из-под печенья. Каждый снимок был как открытка из прошлого, которую мама когда-то отправила самой себе. И вот я наткнулась на снимок, где она стояла рядом с Риммой — мама в лёгком ситцевом платье в горошек, а Римма — в строгом мешковатом костюме, что выглядело странно для летнего дня. Ветер развевал их волосы, и было видно, что они счастливы. Подпись маминой рукой — Сатка, шестьдесят первый год. Я задержала дыхание.

Мама рассказывала, как они вместе сдавали экзамены в горно-керамическом техникуме, как Римма читала ей вслух свои первые стихи на скамейке у общежития, как пахло глиной и свежееобожённым кирпичом из мастерских. «Она всегда писала не головой, а сердцем», — говорила мама. Я вглядывалась в лица на пожелтевшей бумаге и чувствовала, как сквозь годы протягивается нить — тонкая, но неразрывная.

Римма Дышаленкова не была для меня просто поэтом. Она была частью маминой юности, частью той жизни, которую я знала только по рассказам. Мама вспоминала, как Римма могла замолчать посреди разговора и начать записывать строки на клочке бумаги, как она видела в обыденном необычное, как умела согреть словом. «Она будто свет внутри носила», — говорила мама. И теперь, держа в руках фотографию, я понимала: этот свет не погас. Он перешёл в строки, в книги, в память.

Той ночью я не могла уснуть. Встала, налила чай, села за стол. И вдруг услышала — не ушами, а сердцем — стук. Тихий, настойчивый. Строка «Постучи в мою дверь» пришла сама, как приходит дыхание. Я не собиралась писать. Но слово уже стучалось, и я открыла. Не разумом — состоянием. Тем самым, каким мама когда-то открывала дверь Римме, когда та прибегала в общежитскую комнатёнку и читала новое — вслух, стоя на пороге, не снимая пальто.

И строки потекли. Не заученные, не выстраданные — живые, как тот июльский вечер за окном. Они пахли пылью старого коридора, мокрым полом и остывшим чаем. Они пахли маминой юностью и моей зрелостью, соединившейся в этой точке. Я писала не про поэзию — я писала про жизнь, которая однажды взяла и включила свет в прихожей. И этот свет осветил всё: и лицо мамы на снимке, и улыбку Риммы, и мои руки, дрожащие над клавиатурой.

Включу в прихожей свет

«Постучи в мою дверь...»
/Римма Дышаленкова/

В тот час, когда за окнами темно,
и снег идёт, как белое вино
из горлышка разбитого кувшина,
я не грущу. Я просто молчалива.
И эта речь беззвучная моя —
не жалоба, а способ бытия.

Блаженна я не потому, что Бог
меня хранил, а потому, что смог
продлиться день, и я продлилась тоже.
Мой почерк стал застенчивей и строже.
Мой чай простыл. Мой гость не приходил.
Но я живу — и в этом столько сил.

Стучите в дверь ко мне. Я отворю
не разумом, а просто январю,
который вечно просится в объятия.
На мне — пальто, под ним чужое платье.
На мне — года, и в них чужой судьбы
следы, как оправданье голытьбы.

«Постучи в мою дверь» — я впусти
не вас, а свет, который всё ищу
в любом проёме, в форточке, в зрачке.
Я — женщина, стоящая в носке
на полу мокром, с чайником в руке,
с прощением на каждом позвонке.

Блаженна я, что помню до сих пор,
как пахнет пылью старый коридор,
где вы стояли, кутаясь в зарю.
Я вас не жду. Я вас боготворю.
И дверь моя — не крепость, а ответ.
Стучите. Я включу в прихожей свет.

06.07.2026 Е. ШИ

PS.: Римма Андрияновна Дышаленкова (1942—2016) — поэтесса, прозаик, член Союза писателей России. Её имя стало для меня не просто строкой в книге, а живым голосом, который однажды постучался в мою дверь.

История 2. Лёха Николаев

Майским днем, когда весна будто передумала наступать и ветер рвал первые листья с тополей, я слышала этот крик. Он был резким, требовательным, полным какой-то древней силы — так, наверное, кричали римские легионеры, выходя на бой. Акушерка улыбнулась и сказала: «Мальчик, какой баритон!». А я лежала, обессиленная, и смотрела в потолок, где плавала трещина, похожая на карту мира. И вдруг, сквозь туман усталости, — имя. Оно ударило в самую глубь, как колокол: Марк. Я даже не думала о нем раньше. Мы перебирали сотни имен: Александр — слишком громко, Дмитрий — слишком официально, Роман — почему-то ассоциировался с ромашкой. Свекровь — башкирка напевала про Машеньку или Дашеньку, благосклонно позволяла себе угодить снохе — только б девочка родилась, итак армия мужиков, три сына, да два внука в арсенале имелись. Мои родители отмахивались, мол, как назовете так назовёте, лишь бы здоровенький. А тут — без выбора, без списка, без совета. Сердце екнуло так, что я вздрогнула. Марк.

Это имя пришло ко мне из другого времени, когда девочка в ситцевом платьице и тугими косичками млела от человека в шляпе, с чуть печальными глазами, который умел смеяться, щурясь, и от этой щедрой, незлой усмешки мир казался светлее. Этот человек жил на экране — это не была любовь к артисту — это было что-то большее. Я впитывала его взгляд, его улыбку, его легкую иронию, которой он прикрывал боль. И когда я первый раз взяла на руки сына, пахнувшего молоком и теплом, я вдруг поняла: я хочу, чтобы у него были эти глаза. Не бернесовские, а те, что за шляпой и гримом, — добрые, пронзительные, с той смесью грусти и мужества, которая делает человека неуязвимым для пошлости.

Я смотрела на крошечного Марка, который морщил нос во сне, и чувствовала, как в груди что-то замирает и отпускает. Это не было бегством от реальности. Это было сопротивление — тихое, женское, упрямое. Жизнь, быт, зимы — они умеют красть. Отнимают мечты, подменяют их списками покупок, заставляют забыть, как пахнет сирень после дождя. Ты становишься функцией — студентка, жена, работник. И вдруг — ребенок, и ты даешь ему имя. Это твой единственный шанс сказать судьбе: нет, не все решаешь ты. Я сама выбираю, кем ему быть. Не в честь отца, не в честь святого, не ради традиции. А ради того звука, который когда-то в детстве и подростковости заполнял пустоту.

Марк — в этом имени — моя вселенная. В нем — тот самый двухсложный добрый звук, который звучал с экрана телевизора, в кинотеатре с продавленными креслами, с виниловых пластинок. Знаете, говорят, что у каждого имени есть своя мелодия, своя частота, на которую отзываются звезды. Марк — это не просто буквы. Я назвала его не в честь ушедшего, не в память о былом. Я назвала его — в обещание. В то, что жизнь не станет кражей, если в ней есть хоть один звук, хоть одна нота, которая звучит чисто, без фальши, без корысти. Просто — как звон колокола. Просто — как крик новорожденного. Просто — как любовь, которой не нужны объяснения.

Марк ворвался в нашу жизнь не как ребенок — как ураган, которому тесно в колыбели. Он заполнил собой всё: пространство съемной квартиры, расписание дня, содержание разговоров. С утра до ночи мы говорили только о нем. «Марик покакал», «Марик чихнул», «Марик улыбнулся во сне» — и это было важнее новостей, важнее погоды, важнее всего на свете.

А мой папа, дед Валера, ждал внука всю жизнь. У него было две дочери — я и моя сестра, — и он, конечно, любил нас, но мужская душа тосковала по наследнику, по продолжателю рода. Он не говорил об этом вслух, но я видела, как он смотрит на соседских мальчишек, играющих в футбол, как задерживается взглядом на отцах с сыновьями. А когда родился Марк, дед Валера словно помолодел. Он прибегал к нам каждый день, даже в морозы, даже в распутицу, волок гостинцы, игрушки, книжки с картинками. Садился на краешек дивана, брал внука на руки,

и глаза его светились таким светом, какого я у него не видела никогда. Марк был его отдушиной, его продолжением, его мальчиком. Как-то раз папка, глядя в глаза-смородины любимца, тихо-тихо произнёс: «Надо было Ванечкой назвать». Я отрезала, без вариантов, поставя точку: «Пап, какой Ванечка? Марк Русланович». И он промолчал, потому что спорить было не о чем. Имя уже было дано, вписано в документы, произнесено не раз над колыбелью. Дед вздохнул, покачал головой, но через минуту уже снова улыбался внуку и называл его Маркулей — так ласково, как умел называть только он. Маркуля, Маркушенька — эти слова стали нашими домашними, теплыми, спрятанными от чужих ушей.

Свекровь переживала молча, лишь в письме как-то обмолвилась, якобы вскользь: — Пинетки розового цвета, отдала соседке, она девочку родила...». Ага, такой укольчик неуголивой снохе. Имя внука — Марк, она приняла как должное. И я понимала: Марк уже победил, хотя еще ничего не умел, кроме как кричать и сосать грудь.

Бывали дни, когда я уставала до звона в ушах. Когда он капризничал из-за прорезывающихся зубов, когда не спал ночами, когда я не успевала ни поесть, ни причесаться. И в эти моменты я садилась рядом с его кроваткой, смотрела, как он ворочается во сне, приоткрыв рот, и внутри теплело. Потому что Марк — это не просто имя. Это обещание, которое я дала себе однажды. Что я выращу его не сломленным бытом, не забитым, не серым. Что он будет знать: его имя выбрали не по книжке, не по календарю, не в угоду традиции. Его назвали сердцем.

Глядя на то, как сын рос, бегал по двору, как командовал другими детьми, как спорил с дедом о машинах, я понимала: мы не ошиблись. Марк — это судьба. И пусть свекровь иногда вздыхает, думая о нерожденной внучке, пусть дед Валера еще пару раз скажет про Ванечку, я знаю одно: имя сыну я дала правильное. Оно звучит как выстрел, как приказ, как обещание. И я верю, что он его оправдает.

И характер у этого мальчика был — ого-го. С самых ранних лет Марк не любил, когда к нему приставали на улице. Чужие бабушки, вечно любопытные, вечно с вопросами, подходили на остановках, в парках, во дворах: «Ой, какой хорошенький! Как зовут, мальчик?». Марк хмурил бровки домиком — точь-в-точь как папа Руслан, когда злится — и цедил сквозь зубы: «Маак». Гордо, отрывисто, как выстрел. Бабушки не унимались, переспрашивали: «Марс? Макс?». Марк молчал и смотрел исподлобья. Иногда он мог развернуться и уйти, не сказав больше ни слова. Я стояла рядом, краснела и извинялась: «Стеснительный он у нас, простите».

Но однажды случилось такое, что я запомнила на всю жизнь. Мы стояли на автобусной остановке, моросил дождь, все продрогли. Какая-то дотошная пенсионерка пристала к Марку с традиционным допросом: «Как зовут, мальчик, сколько лет, в садик ходишь?». Марк поднял на нее глаза — серьезные, взрослые не по годам — и вдруг четко, без запинки произнес: «Лёха Николаев». Я раскрыла рот от удивления. Пенсионерка опешила, а Марк уже отвернулся и стал рассматривать проезжающие машины, давая понять, что аудиенция окончена. Я еле сдержала смех. «Лёха Николаев» — это был персонаж из «Агента национальной безопасности», которого дед Валера, обожал и часто смотрел с внуком. Марк сидел у деда на коленях и впитывал каждую серию, каждого героя, каждое имя. И вот, в нужный момент, он выдал это как пароль, как шифр, как защиту от чужих вопросов. Передавая эту историю папке, он хохотал до слез: «Мой внук! Стену проломит, но правду не скажет, если не захочет».

В этом весь Марк. Он никогда не был удобным ребенком. Не говорил то, что от него ждали, не улыбался, когда просили, не бежал к чужим людям на руки. Он сам выбирал, кому открываться, а кого держать на расстоянии. И это качество — врожденное чувство границы, интуитивное понимание, кто свой, а кто чужой — я уважала в нем с пеленок.

Знаете, я должна сказать еще об одном. Моя мама — вот кто был рад имени по-настоящему. Не просто принял, не просто смирился, а именно обрадовался. Когда я позвонила ей

из роддома и сказала: «Марк», она замолчала на секунду, а потом выдохнула: «Ну надо же. Марк». И в этом выдохе было столько тепла, что я сразу поняла: она услышала то же, что и я.

Мама всю жизнь боготворила Марка Бернеса. Его манера петь, его щемящая искренность, его голос — для неё это было больше, чем просто музыка. Она и меня вырастила на его песнях, на фильмах с его участием. Мы пересматривали их по несколько раз, знали наизусть каждую паузу, каждое движение бровей. «Любимый город», «Темная ночь», «Журавли»... — это был наш с ней код, наши общие стены, за которыми мы прятались от быта, от проблем, от всего, что давило. И когда я лежала в роддоме обессиленная, счастливая и напуганная одновременно, и услышала внутри себя имя «Марк», я поняла: это не случайность. Это нить, протянутая из моего прошлого в будущее моего сына. Мама передала мне эту любовь, а я передала её дальше — в имя.

Я не называла сына в честь артиста. Я просто назвала его тем именем, которое носила в себе много лет, сама того не зная. И мама это чувствовала. Она прибегала к нам каждый день с работы во время обеденного перерыва. Брала Марка на руки, смотрела на него и улыбалась той самой улыбкой, с которой слушала пластинки Бернеса. «Марк, — повторяла она, пробуя имя на вкус. — Марк. Хорошо-то как». И в этом «хорошо» было всё: и её молодость, и её вечера у проигрывателя, и наши с ней разговоры, и та тихая радость, которую она пронесла через всю жизнь.

У колыбели мы пели ему не колыбельные, а песни Бернеса. Я склонялась над кроваткой, где он сопел, сжимая кулачки, и тихо напевала: «Любимый город может спать спокойно...». Он затихал, слушал. Иногда мама сидела рядом, и мы пели вдвоем, вполголоса, чтобы не разбудить. И мне казалось, что Бернес невидимо стоит рядом и улыбается своей щемящей улыбкой. Так и рос Марк — под эти мелодии, под этот голос, под эту тихую материнскую блажь, которая была сильнее любых доводов разума.

Когда Марк подрос, мама рассказывала ему про Бернеса. Показывала фотографии, ставила пластинки. Он слушал, не всегда понимая, но чувствуя, что это важно. Она говорила: «Твой дедушка, — она имела в виду не по крови, а по духу, — пел так, что у людей сердце разрывалось. А ты носишь его имя. Значит, и у тебя сердце будет такое же — большое и настоящее». Марк не спорил, кивал. Ему было тогда лет пять, и он уже знал, что его имя — особенное. Не потому, что редкое, а потому, что за ним стоит что-то большее, чем просто буквы в свидетельстве о рождении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.